

Александр Степанович Грин

Карнавал

Александр Степанович Грин

Карнавал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055937

Аннотация

«Безоблачный жаркий день достиг силы коротких теней, болезненной зрению белизны стен и полного воздушного оцепенения, стесняющего разгоряченное дыхание. Белые, красные и голубые зонтики утомленно порхали над толпой извилистых улиц маленького городка Италии – Сан-Амиго, празднующего хороводную неделю веселого карнавала, установленного для этого городка с незапамятных времен неким историческим событием, сущность которого давно перешла в легенду, обтрепалась и напоминала собою одно из тех выцветших, убогих знамен, сложенных в передней музея, бессильных оживить своей истасканностью память любопытного современника, относительно присущих им сражений или подвигов...»

Содержание

I	4
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	16

Александр Грин

Карнавал

I

Безоблачный жаркий день достиг силы коротких теней, болезненной зрению белизны стен и полного воздушного оцепенения, стесняющего разгоряченное дыхание. Белые, красные и голубые зонтики утомленно порхали над толпой извилистых улиц маленького городка Италии – Сан-Амиго, празднующего хороводную неделю веселого карнавала, установленного для этого городка с незапамятных времен неким историческим событием, сущность которого давно перешла в легенду, обтрепалась и напоминала собою одно из тех выцветших, убогих знамен, сложенных в передней музея, бесильных оживить своей истасканностью память любопытного современника, относительно присущих им сражений или подвигов.

Расположение улиц Сан-Амиго напоминало колесо, лишенное обода. Ступицами были улицы, идущие от центра – оси – к предместьям. В протекающем полуденном часе по каждой из этих улиц, к оси колеса, – небольшой, но величественной, благодаря высоте окружающих ее старинных зданий, площади, – двигались вереницы феерических эки-

пажей, покрывая грохотом колес забавный стон толпы, разряженной в костюмы всех времен и народов, даже таких, какие могут населять только страны воображения. Самые диковинные фигуры господствовали среди повозок и высоких платформ, производя впечатление, как если бы войско чудовищ вступало после нелепого, заоблачного сражения в покоренную область. Там высился людоед, берет которого плыл наравне с балконами третьих этажей, а в его пасти среди картонных зубов плясали толстопузые мальчишки; здесь – треща крыльями, проталкивался дракон, пестрый, как бабочка, и страшный, как ад в мысли натуралиста; там везли кита; здесь – слон, с подвыпившими, в фигурной башне, остекленелыми шалопаями, трубил скрытым тромбоном; далее – ряд страшных голов на общем туловище покачивался с ужасной выразительностью неодушевленных фигур.

Другие процессии составлялись из костюмированных групп, пирующих среди возвышений, убранных атрибутами их идеи. Вакханки из фабричных кварталов, сверкая неподдельно пышными икрами, плясали вокруг Вакха, плавающего в кокетливых джунглях серпантина. Рой обезьян, с белыми носами среди коричневых морд, визжал и скакал в клетке, бесполезно укрощаемый сверху ударами турецкого барабана. Какие-то супостаты, в полумонашеских, полуклоунских одеяниях, ворочали посудой на кухне, блистающей паром и бенгальским огнем, давали концерт посредством тазов и сковородок, выкрикивая малопрстойные изречения.

Черти с рогами везли повешенных за языки грешников. Ангелы завивались в парикмахерской у ослов. Экипажи в цветах, лентах и золоченых бусах, с массой хорошеньких женских головок: хоры музыки; отряды ландскнехтов и рейтаров; процессии великанов и карликов – и все другое в этом роде, что было бы утомительно ловить целиком в сети подробного описания, – двигалось, приплясывая и свистя, в облаках цветной муки и конфетти, – к площади, где уже восседало подвыпившее жюри, призванное отличить самый интересный выезд почетной наградой. То был карнавальный кубок – премия, переходящая из года в год к новым рекордистам маскарадной изобретательности.

Толпа потела и зубоскалила. Это был один из тех редких дней, когда разнородности существований, – основа жизни, – отбросив укрепляющую жестокость повседневной борьбы, образуют добровольное государство возвеличенного каприза. Есть вещи, – явления, бесполезные в истинно хорошем значении этого слова, но более соединяющие людей и общенужные им, чем все рогатки приказывающей, доктринерской мысли. К ним принадлежат любовь, гримаса и сказка. От них следовало бы танцевать плакальщикам социальных водоворотов.

II

Часа за два перед тем, как мы с читателем начали осматривать Сан-Амиго, в небольшом доме, стоявшем несколько поодаль за фабрикой сигарет, собралась костюмированная компания, преследовавшая, по-видимому, те же невинные цели, иными воплощениями которых наполнились уже веселые улицы.

Однако было нечто угрюмо мрачное в замысле экипажа и костюмах участников. Три черные лошади были запряжены цугом в продолговатую платформу на колесах, с возлежащим на сей платформе огромным рогом изобилия, черным, как и все в этом сооружении, с пастью, обращенной вперед. Из него сыпались картонные белые черепа, скрепленные проволоками, образуя противную грудку отвратительного подражания устрашающему в природе. На высоком передке сидел возница, сравнивая и перебирая вожжи. Все это находилось внутри цветущего двора, под снегом апельсинового цветения.

С крыльца, укрытого пышной зеленью, сошли двое: молодой человек и совсем юная девушка. Все трое, считая возницу, были одеты в черные трико, широкие, густо накрученные пояса и плащи с капюшонами. Мрачная чернота этих одежд придавала описанному трио полумонашеский, полуразбойничий вид; однако, в силу разницы полов, впечатле-

ние это следовало отнести более к мужчинам, чем к девушке, тонкое прекрасное лицо которой, серьезное, как на молитве, выражало трогательное, сдержанное волнение. Возница был румян, рус и кудряв; несмотря на это, – нечто неуловимо сдвинутое в его лице, какое-то ничтожное несоответствие черт с веселыми красками молодости, – делало его лицо вызывающе жестоким и наглым. Молодой человек, вышедший с девушкой – ее родной брат, – был худ и землист лицом; его сдавленный, упрямый лоб накрывал редкими бровями широко раскрытые, как бы оцепеневшие глаза.

Ничтожная бородка и такая же тень первых усов еще более оттеняли болезненность и нервозность костлявых черт.

– Да, Либерио, – сказал он вознице, – с таким рогом нам нечего надеяться получить приз. Мы сами выдадим премию кровопийцам и толстобрюхим. А ты, Эмилия? Не боишься ли ты?

– Нет, – сказала девушка после короткой паузы. – Ну, что же! Мы обо всем переговорили. Надо ехать, Карло.

Карло кивнул. Затем, нагнувшись к повозке, он ощупал, в глубине бумажных черепов, три тяжелые, жестяные коробки и, удостоверясь, что им не угрожают толчки, занял место впереди экипажа.

III

Люди эти были – анархисты, задумавшие безумное дело среди шума и пестроты праздника. Они намеревались бросить три бомбы на эстраду жюри, состоявшего главным образом из членов магистрата, художников и торговцев. Рассматривая карнавал как сборище праздных, насквозь пропитанных предрассудками «собственности и мещанской морали», людей в момент их ликования, поэтизирующего основы ненавистной, старой жизни, заговорщики сочли весьма эффективным и действенным поразить город паникой при наибольшем числе зрителей, отдавшихся без подозрений веселью. Это была так называемая «пропаганда фактом». Их мрачный выезд, символизирующий щедрость смерти, способствовал, по мысли организаторов, силе впечатления от их поступка.

Здесь, карнавал как бы поражал сам себя, выделив зловеще оригинальную колесницу. Либерио и Карло были душой замысла; что касается Эмилии, то она присутствовала третьей по жребию, действующему иногда не так слепо, как кажется. Фанатизм мужчин, кроме разрушительных наклонностей их, вытекал из странного, игрушечного представления о природе и жизни, в которых грубый и неподвижный ум, отталкивая неизмеримую сложность явлений, видел лишь застывшие формы предметов, подлежащих пере-

становке. В значительной степени примешивались сюда романтизм и тщеславие и еще, несомненно, навязчивая идея крови, страшная по существу, но именно этим ослепляющая их, создавая фикцию дела огромной важности.

Нам незачем более вникать в этих людей, напоминающих неопытных изобретателей воздушных аппаратов, бессильных, как механизмы. Перейдем к девушке – героине этого дня.

IV

Эмилия родилась и выросла в семье отшельнической, занявшей, по отношению к жизни, роль печальной, но самолюбленной избранницы. Ее отец был политический эмигрант, радикализм которого при новом курсе оказался в глазах новой власти терпимым. Карино вернулся на родину.

С дня рождения жизнь девушки протекала, так сказать, в семейно-политической атмосфере, насыщенной воспоминаниями, легендами, благоговением перед прошлым отца и преданностью матери, не оставлявшей своего мужа в самых тяжелых испытаниях. Пяти лет дети пели уже революционные песни. Дом часто посещали старики и старухи, такие же седые и отсталые во взглядах, как и хозяин, – знаменитости революционных кругов, живые памятники прошлой борьбы. Имена их произносились с ревнивым почтением. Они беспрерывно толковали о вопросах государственной жизни, и разговоры эти год за годом наслаивали в душу девочки сознание наследственности – преемственности ее будущих убеждений.

Система строгой тенденции проводилась воспитанием. Их детские книги сыпали описанием подвигов и поступков высоконравственных. Сказки преследовались.

Дух кулинарного рационализма с неизбежно сопутствующими ему нетерпимостью и прямолинейностью преследовал

по пятам неокрепшие души. Слыша с детства восхваления тюремных и всяких других страданий, связанных с кандалами и виселицей, Эмилия постепенно приучилась смотреть на них, как на некое мрачное и неизбежное счастье, даримое судьбой из поколения в поколение. Мещанством, т. е. проявлением презренной и вульгарной косности, почитались здесь наряды, водевили, кинематограф, флирт, танцы – все, что свойственно беспритязательной молодежи.

V

После нескольких переулков, мало оживленных, благодаря тому, что все почти население в веселом дурмане карнавала устремилось к центрам, повозка с заговорщиками выехала наконец на одну из главных артерий, ведущих к площади.

Самые приподнятость настроения и волнение тем, что произойдет на площади, волнение, инстинктивно удержанное от страшного озарения его сознанием, располагали уже к тому, чтобы певучий хаос цветных улиц и все, в них происходящее, воспринимались с умноженной и обостренной силой. Старое сравнение с людьми, едущими на казнь, имело бы здесь место, не будь все-таки еще и теперь свободы выбора. Эта добровольность, это полуосознанное насилие над волей к самоохранению должно возбуждать более принуждения. Поэтому никогда еще в жизни девушка не была так хрупко напряжена. Глаза ее горели тайной и ликованием окружающего. Множество взглядов устремилось к ее пленительному лицу, и это заставило ее бессознательно принять позу, наиболее выгодную ее сложению.

«Рог изобилия» двигался меж китайским драконом и колесницей Нептуна, продвигавшейся сзади. На мрачное сооружение было немедленно обращено раздражительно насмешливое внимание толпы. «Почем старые кости?» – вы-

крикивали подростки, швыряя апельсинными корками в Либерิโอ и Карло, ехавших с злобным торжеством свирепой безнадежности в душе и двусмысленными улыбками. «Кормильцы навозных мух», – кричали другие. «Скелетные мастера!» – «Домашние привидения!» – «Смотрите: музейные сторожа грабят студентов!» Такие и подобные им возгласы раздавались вокруг в то время, как группы молодых людей, одетых рыцарями, турками, краснокожими, шутами и проч., обступили с двух сторон девушку, приговаривая любезности и комплименты с искренним восхищением, вызываемым ее внешностью.

Эмилия была некоторое время в замешательстве; затем, уступая вполне женским чувствам, грациозно льстившим ее самолюбию, начала шутливый разговор, заставивший ее временно забыть роковую цель медленного движения к площади. Первый раз жизнь со стороны ее пола так шумно и весело подошла к ней, и она не могла не ощущать этого с печальным вниманием затворницы, выглядывающей из-за решетки замка. На колеснице дракона плавно гремел вальс; балконы домов были украшены коврами и флагами; везде виднелись цветы... Над ее головой беспрерывно сыпался град конфетти; в ее руках и корсаже, как бы выросшие магически, адели свежие розы; и линии серпантина, с их медленно падающими траэкциями, слабо шипя, опутывали ее шею и руки лентами всех цветов.

Тем временем ее колесница завернула на площадь, гото-

вую, казалось, развалиться от грома барабанов и труб, и стала в очереди, среди полукруга, один конец которого, растекаясь под аркой киоска жюри, терялся в облаках флангов.

VI

Карло подошел к девушке с бескровным лицом.

– Сестра! – сказал он вполголоса, так, что его не могли слышать чужие. – Наша святая ненависть скоро обрушится на головы этих безумцев. Может быть, нас убьют на месте. Когда наступит момент, мы простимся. Вот что: нам остается ждать с полчаса до очереди. Либерิโอ хочет пить, я – тоже, вероятно – и ты. За наше отсутствие ты посидишь здесь, а мы заглянем в таверну и принесем тебе чего-нибудь прохладительного.

Будничность этого сообщения еще более подчеркнула сумасшествие кровавого дела. Как только мужчины скрылись в толпе, Эмилия вынула из тайника жестянки, спрятала их под плащом и с чувством человека, нашедшего силу удалиться от пропасти, покинула свое место с целью найти другое, куда безопасно для своей и чужих жизней могла бы спрятать снаряды.

Несколько времени, стоя на тротуаре, она беспомощно оглядывалась, не беспокоимая никем, так как успела среди хаотического движения скрыться от кавалеров, и решила уже искать случая; поэтому, войдя в ближайшие ворота, она, заметив, что двор пуст, поднялась по каменной лестнице совершенно безотчетно, думая с тоской, что этот путь, за неимением выбора, не хуже других. Вдруг, с одной

из площадок, заметила она короткий коридор, а в нем, слева, неприкрытую дверь. Заглянув туда, она увидела род чулана, полного сора и хозяйственных в отставке предметов; здесь, торопясь обезопасить зловещую ношу, Эмилия сложила ее в дальнем углу полки и, внезапно почувствовав вслед за этим сильную усталость, присела на ящик.

Возбуждение ее разразилось слезами. Не удерживая их, она закрыла лицо рукой, и слезы, падая сквозь пальцы на цветы, дышавшие за ее поясом, отягчали их лепестки лучшей росой жизни. Наконец, успокоившись, она вспомнила о том, что должна вернуться к своему месту ранее брата, и легко, с нервным, коротким, блаженным смехом пошла к двери.

Но за ее доверчивым телом стояла судьба, подходящая к избегающим ее тысячами путей, не знающих заблуждения. Полка, установленная на неравно вбитых в стену гвоздях, при малейшем перемещении своего груза принимала пока-тость, незначительную, но достаточную для движения цилиндрического предмета. Один снаряд лежал боком. Соринка ли, уступившая давлению тяжести, или отскользнувшая крупница штукатурки... как сказать, что именно освободило легкий наклон. Уже на пороге Эмилию остановил громкий стук. Краткое мгновение, блеснувшее меж разрывом и стуком, пока, шипя, смешивалась серная кислота с запалом, было самым тяжким страданием, мыслимым на земле. Девушка не могла шевельнуться. Затем смерть бережно провела ее

в безветренный сад святых, а каменный вихрь, полный огня
и пыли, отразил неистовым громом воздушный узор вальса,
присланный карнавалом.